

ПОНЯТИЯ «ЯЗЫК»/«РОДНОЙ ЯЗЫК» В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Попов Дмитрий Владимирович,

доцент Андиганский государственный университет,

доктор философии (PhD) по филологическим наукам,

Ключевые слова: язык, родной язык, «чужой язык», феномен языка, философия языка.

Первые попытки осмысления феномена языка можно увидеть уже в античной философии, являющейся тем источником, от которого обособилась впоследствии сама наука о языке. На протяжении веков (от досократиков до стоиков и александрийцев и со времени аристотелевского ренессанса в Европе до конца латинского Средневековья) язык оставался предметом почти исключительно чисто «философского умозрения». Интерес, проявляемый мыслителями к языку, имел при этом исключительно философский характер.

Так, философия языка в античности возникает в ходе решения центральной философской проблемы этой эпохи – взаимоотношения между вещью, мыслью и словом.

Понятие λόγος было одним из главных предметов размышления у философов Древней Греции и обнаруживало, как замечает Т.Н. Снитко, «взаимопересечение» с такими понятиями, как «мышление» и «Бытие» [12, с. 75]. М. Хайдеггер дал следующую характеристику Логосу: «Греческий язык, и только он один, есть λόγος. ... в греческом языке высказываемое некоторым замечательным образом одновременно есть то, что оно называет. Когда мы слышим греческое слово по-гречески, мы следуем его λέγεῖν, непосредственно им излагаемому. То, что оно излагает, лежит перед нами. Благодаря по-гречески услышанному слову мы находимся непосредственно подле самой предлежащей нам вещи, а не подле одного лишь значения слова. ...Бытие есть собирание – Λόγος» [21, с. 116-117].

Следует также заметить, что проблема многообразия языков была за

пределами философских интересов древнегреческих философов: помимо языка богов для греков существовал только родной язык – древнегреческий, другие языки не являлись языками в полном смысле этого слова, так как на них говорили βάρβαροι (варвары).

В словаре А.Д. Вейсмана первичное значение слова λόγος в греческом языке – «слово», «речь». Λόγος производно от глагола λέγω, который означает «говорить», «рассказывать», «излагать», «называть» [4]. Примечательно, что λέγω «говорить» происходит от того же корня, что и глагол λέγω «собирать»; и тогда «говорить» означает «собирать слова».

Древнегреческие философы стремились постигнуть сущность языка, в той мере, в какой она вообще может быть постигнута. Поэтому не случайно Гераклит понимал под Логосом «собирание» как некий высший вселенский закон, управляющий миром: в мире все непрерывно течет, но в то же время определяется Логосом и поэтому стремится к гармонии. Как видим, понятие логоса получает у Гераклита фундаментальное онтологическое содержание. Помимо связи с глаголом λέγω «собирать», укажем на другие значения слова λόγος, приводимых в словаре Вейсмана: I. а) слово (сказанное, не грамматическое); речь (первичное значение); II. а) счет (число); б) отчет; с) соотношение, пропорция, соразмерность; III. разум; разумное основание; рассуждение; мнение, предположение; понятие, смысл.

Философский энциклопедический словарь, суммируя взгляды античных философов (Парменида, Гераклита,

Аристотеля) так определяет λόγος: «Термин древнегреческой философии, означающий одновременно «слово» (или «предложение», «высказывание», «речь») и «смысл» (или «понятие», «суждение», «основание»); при этом «слово» берется не в чувственно-звуковом, а исключительно в смысловом плане, но и «смысл» понимается как нечто явленное, оформленное и постольку «словесное». Из бытовой сферы в понятие «Логос» вошел еще момент четкого числового отношения – «счета», а потому и «отчета» (λόγον δίδόναι – давать отчет). Логос – это сразу и объективно данное содержание, в котором ум должен «давать отчет», и сама эта «отчитывающая» деятельность ума, и, наконец, сквозная смысловая упорядоченность бытия и сознания; эта противоположность всему безотчетному и бессловесному, безответному и безответственному, бессмысленному и бесформенному в мире и человеке» [19, с. 321].

Параллельно с осмыслением понятия λόγος античная философия начинает поиски ограничивающих определений для понятий, которые современной лингвистикой обозначаются как «слово», «речь», «язык», «предложение». В качестве примера укажем на различие стойками таких, например, понятий как λόγος ἐνδιάθετος «внутренняя речь» и λόγος προφορικός «речь изустная, звучащая». Устанавливаются этимологии слов, философов занимает проблема происхождения языка, проблема связи слова и вещи, вопрос о правильности одних имен и «испорченности» других, об особых словах богов, которыми правильно, а не произвольно обозначаются растения, животные, птицы, реки и т.д. Имя же понятия во многих случаях остается прежним – λόγος. Поскольку это слово и понятие получало у философов очень широкое толкование, то оно могло быть и было использовано и для «лингвистических» определений.

У Платона понятие λόγος сближается с понятием νόυς (словарные

значения: а) ум разум, мысль; б) смысл или значение слова). После Платона эти понятия обозначают «разум», «мышление», «слово», «речь» и неизменно связываются с идеей о мировом Разуме. Б. Рассел пишет: «Математика, мир идей и все мышление о том, что не ощущаемо, имеют в себе для Пифагора, Платона Плотина нечто божественное: они составляют активность нуса или по крайней мере наибольшее приближение к его активности, какое мы себе можем представить. Именно этот интеллектуальный элемент в религии Платона привел христиан, в особенности автора Евангелия от Иоанна, к отождествлению Христа с Логосом. Логос надо было бы в этом плане перевести как разум» [11]. Стойки в определенном смысле возвращаются к Гераклиту, понимая под Логосом творящую огненную душу космоса... Таким образом, можно видеть, что рассмотрение Логоса в античной философии в качестве несущего откровение божественного начала приводит позже в христианстве к возможности его интерпретации в качестве одной из ипостасей Бога – Бога-сына Христа.

Впервые Логос с Идеей Идей Платона соединяет Филон Александрийский. По Филону, Щей представляют собой вечные мысли Бога – реальные существа, которых Бог создал до начала творения мира, а Логос есть «Первенец Божий», «человек Божий». Наиболее яркое свидетельство отождествления Логоса и Христа находим у Иоанна Богослова. Вспомним начальные строки Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог».

Учение о языке представителей патристики выступало как составная часть богословия, как компонент целостного средневекового видения мира. Христианская доктрина трактовала владение языком («словесноразумность» или «разумнословесность») как важнейшее отличие человека от животных. Человек определялся как словесное живое

существо, как явление вещественное + чувствующее + говорящее. Его сущность виделась в единстве «тела» и «души», а сущность языка – в единстве «телесных» звуков и значений. «Ангельские языки» признавались иллюзорными, так как они не обладают признаком телесности. Функции языка определяются через его предназначенность открывать другому человеку свои мысли, учить других и запечатлеть нечто в своей памяти. Язык понимается как средство объективизации, дискретного представления и познания мира.

В Средние века множественность существования языка становится фактом жизни средневекового общества – так, в частности, священнослужители вынуждены решать вопрос, на каком языке следует совершать богослужение. Средневековые теологи вновь обращаются к вопросу античности об истинных и ложных именах, Григорий Нисский размышляет: «Сколькими, скажи мне, звуками, по различию народов, именуется небо? Мы (греки) называем его οὐρανός, еврей – шамаим, римлянин – caelum, и иначе сириец, медянин, каппадокиец, мавританец, скиф, фракиец, египтянин; даже исчислять нелегко различия имен, существующие в каждом народе относительно неба и прочих вещей. Какое же, скажи мне, естественное имя их, в котором обнаруживается величественная премудрость Божия? Если предпочтешь прочим эллинское имя, то тебе, быть может, противостанет египтянин, выставляя свое. Если отдашь первенство еврейскому, сириец выставит свой звук, также и римлянин не уступит им первенства; мидянин также не допустит, чтобы не его слова первенствовали; и из прочих народов каждый сочтет достойным первенства свое. Итак, чего не потерпит это учение, при таких различиях слов разрываемое спорящими?» [6, с. 423-424].

Однако существование множества языков объясняется средневековыми мыслителями множественностью конкретных реализаций некоего единого Человеческого Языка.

Сошлемся на интерпретацию Х.-Г. Гадамером осмысления феномена языка в средневековом богословии. В качестве основного момента христианской религии Х.-Г. Гадамер указывает на идею инкарнации, которая теснейшим образом связана с проблемой слова, – Слово стало плотью, – и усматривает в этом новую направленность мышления на «...таинственное единство Отца и Сына, духа и слова, ...новое философское освещение мистерии языка в его связи с мышлением» [5, с. 487-488]. Разъясняя далее эту мысль, Х.-Г. Гадамер пишет: «Величайшее чудо языка не в том, что слово становится плотью и обретает внешнее бытие, но в том, что выходящее таким образом наружу и находящее себя во внешнем выражении, всегда уже есть слово. Учение церкви ...состоит в том, что Слово есть у Бога, и причем всегда от вечности...» [5, с. 487-488]. Блаженный Августин мыслит *verbum* как *verbum cordis* «слово сердца», и этот факт позволяет Х.-Г. Гадамеру сделать следующее заключение: «Чудо языка служит зеркалом для тайны Троицы постольку, поскольку слово, которое есть истинное слово, потому что оно говорит о самой вещи, не есть что-то для себя и ничем не хочет для себя быть: *nihil de suo habens, sed totum de illa scientia de qua nascitur* (ничем не обладает само по себе, но лишь благодаря тому знанию, из которого рождается). Его бытие заключается в том, что оно раскрывает, делает очевидным. То же самое относится и к мистерии Троицы» [5, с. 488].

Переходя собственно к рассмотрению понятия «язык» в лингвистике, следует заметить, что вопрос о сущности какого-либо явления, в нашем случае, языка, по сути, является философским вопросом, а не вопросом науки в строгом понимании, поэтому продуктами лингвистического мышления являются значения, а не смыслы. Лингвистике как науке свойственно «мыслить» определениями, а не метафорами, как философии. В.З. Демьянковым составлен список

«пониманий» языка в американской лингвистике основанный на обширном библиографическом исследовании, и включает, например, такие модусы рассмотрения языка как: language as a functional system, language as activity, language as calculus, language as classificatory system, language as code, language as cognitive instrument, language as convention, language as energeia, language as form, language as instrument of communication, language as semiotic code, language as system, language as structure etc. (язык как функциональная система, язык как деятельность, язык как исчисление, язык как классификационная система, язык как код, язык как инструмент познания, язык как (социальный) договор, язык как энергия, язык как форма, язык как инструмент коммуникации, язык как семиотический код, язык как система, язык как структура и т.д.) [14, с. 29-30].

История европейского лингвистического мышления представляет собой, по определению Н.И. Таракановой, историю редукционизма: «Редукционизм в европейском лингвистическом мышлении является основным принципом теоретического осмысления проблемы онтологии языка. Редукция создает посылки превращения языка в действительность предмета научного исследования лингвиста, а сама проблема определения сущности языка (определения, которое было бы значимым для всего научного сообщества, независимо от концептуальной базы того или иного направления) понимается редукционистская задача, решаемость которой зависит от выполнения посылок окончательной редукции» [15, с. 12].

Под редукцией Н.И.Тараканова понимает «...сведение разнообразия языков к единой простой основе – протоструктуре, претендующей на порождающий статус» [15, с. 185] – и выделяет три типа редукции, обусловленных типом мышления (интеллектуальной практики) языковеда: 1) теоретический – все возможное разнообразие объясняется через

возведение к принципу; язык понимается прежде всего как средство выражения мыслей, определяет окончательный вид редукции до формальной модели высказывания-предложения.

Рассмотренные Таракановой три типа моделей (Аристотеля, Грамматики Пор-Рояля и Н. Хомского) являются попытками определения правил «формальной логики» языка. Сущность человеческого языка соотносится в этом случае с семиотической способностью человека к созданию языковых систем по определенным правилам. 2) эволюционный – все возможное разнообразие описывается как судьба изначально простого и общего «языка»-основы. 3) прожективный – конструируется простой, по замыслу совершенный «язык»-основа, относительно которого все сложное разнообразие мыслится как перевыразимое в этом простом. Предполагается, что переинтерпретация значения слова с точки зрения логики мышления, а не логики языка, обеспечивает совершенство языковой системы [15, с. 185-186].

Суждения Н.И.Таракановой представляются нам чрезвычайно значимыми, поскольку выявляют исходную методологическую установку лингвистики. Все онтологические построения лингвистики ограничены рамками научного предмета и обязаны приводить к изучению материала конкретных языков.

Лингвистами эта ситуация осознается так: «... не совсем отрефлектированная и крайне важная проблема. А именно: как вообще надо конструировать предмет лингвистики? С акцентом на язык как феномен природы? Или на язык как порождение культуры? Или на язык как основное средство фиксации и передачи информации?» [20, с. 79].

Как замечает Т.Н.Снитко, лингвисты должны смириться с невыполнимостью задачи постижения сущности языка [12, с. 82-83]. В этом отношении показательно следующее

замечание Ю.С.Степанова: «Сущность языка, – в той мере, в какой она вообще может открыться, – открывается не «инструментальному», а философскому взгляду» [14, с. 28].

С появлением научно ориентированной лингвистики начинается разграничение понятий «язык», «речь», «слово». Так, Ф.де Соссюр выделяет *langue*, *langage* (*faculte de langage*) и *parole* [13]. Для понятий такого рода создаются ограничивающие определения в некоторых онтологических рамках – в качестве последних выступают отдельные лингвистические теории или школы. Каждая отдельная лингвистическая школа создает свою собственную онтологию языка.

Лингвистический энциклопедический словарь определяет «язык» следующим образом: «Язык – основной объект изучения языкознания. Под языком прежде всего имеют в виду естественный человеческий язык (в оппозиции к искусственным языкам и языку животных)... Термин «язык» имеет по крайней мере два взаимосвязанных значения: 1) язык вообще, язык как определенный класс знаковых систем; 2) конкретный, т. наз. этнический, или «идиоэтнический», язык – некоторая реально существующая знаковая система, используемая в некотором социуме, в некоторое время и в некотором пространстве. Язык в первом значении – это абстрактное представление о едином человеческом языке, средоточии универсальных свойств всех конкретных языков. Конкретные языки – это многочисленные реализации свойств языка вообще». Далее указывается, что «язык вообще» есть естественно возникшая семиотическая (знаковая) система, «обладающая свойством социальной предназначенности», т.е. «существующая прежде всего не для отдельного индивида, а для определенного социума. Кроме того, на эту знаковую систему наложены ограничения, связанные с ее функциями и используемым субстанциальным (звуковым) материалом» [10, с. 604].

В работе «Изменчивый «образ языка» в науке XX века» Ю.С.Степанов [14, с. 7-34] попытался показать эволюцию взглядов на язык на протяжении XX века, «обрисовывая» различные «образы языка», возникавшие и частично сменявшие друг друга. Перечислим их, давая краткий комментарий каждому:

1) язык как язык индивида. В соответствии с этим пониманием единственной подлинной реальностью является лишь язык индивида, а общий язык – абстракция и даже фикция;

2) язык как член семьи языков. Согласно этому, язык есть прежде всего член языковой семьи, связанной регулярными историческими соотношениями звуков (и минимальных значимых элементов); этим задается – одновременно извне и изнутри – его системность;

3) язык как структура. Этот «образ» возник на понимании структуралистами возможности обобщения, доходящего до создания абстрактной идеализированной модели Языка. Язык человека един для всех людей Земли, универсален и вечен;

4) язык как система. Это, по существу, замечает Ю.С.Степанов [14, с. 15], тот же тезис «Язык как структура», но как бы с включенной в определение критикой и модификацией жестко структуралистского подхода. Под системой понимается единое целое, доминирующее над своими частями и состоящее из элементов и связывающих их отношений. Совокупность отношений между элементами системы образует ее структуру. Правомерно говорить поэтому о структуре системы. Совокупность структуры и элементов составляет систему.

Структура языка тяготеет к большой общности. Система же языка, т.е. материальная реализация структуры, всегда индивидуальна в каждом этническом языке, всегда «идиоэтнична». Таким образом в модификации тезиса «Язык есть структура» в виде «Язык есть структура и система» уже содержится зародыше некий иной «образ языка» – как

в чем-то «неповторимый» и «индивидуальный»;

5) язык как тип и характер;

6) язык как компьютер. Появление генеративной грамматики и дальнейшая компьютеризация лингвистики ознаменовали изменения взглядов на лингвистическую теорию – последняя стала пониматься как исследование работы мышления человека с языком. Но оно, как замечает Ю.С.Степанов [14. с. 27], не изменило коренных представлений о самом языке, – он по-прежнему рассматривается в этих течениях лингвистики (хотя это и не всегда признается открыто) как инструмент мышления и познания. Более того, такое понимание языка во многом возвращает этих лингвистов вспять, к концепции Аристотеля, которая была ярким примером «орудийной концепции языка», утверждая, что язык есть «орудие мысли»;

7) язык как пространство мысли и как «дом духа». Прообразом этого тезиса явилось широко известное определение философа-экзистенциалиста М.Хайдеггера «Язык – дом бытия».

На современном этапе лингвистических исследований стало очевидным, что «...исследования только формальной структуры языка и его коммуникативной функции ограничивают реальное место языка в процессе культуросозидания. Иной подход к языку, необходимый для выяснения его сущности, заключатся в изучении языка не только как средства общения, но, прежде всего, как неотъемлемого компонента культуры этноса» [2, с. 3]. Как компонент духовной культуры язык занимает в ней особое место, выступая необходимым условием становления, развития и функционирования других компонентов культуры.

Рефлексия относительно языка как выразителя культуры некоторого этноса характеризует все лингвистические направления, развивающиеся в рамках антропологической парадигмы в современном языкознании.

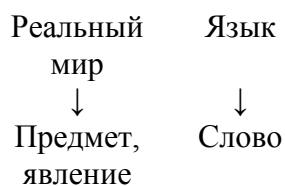
Впервые это направление исследований было обозначено В. фон Гумбольдтом, который писал: «Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [7, с. 68]. Позже заложенная В. фон Гумбольдтом традиция изучения языка в неразрывной связи с культурой конкретного народа, подчеркивания активной роли языка в мышлении и познании, была продолжена в работах представителей неогумбольдтианства. По их мнению, каждый язык есть оригинальный «способ видения» мира. Л.Вайсгербер рассматривал язык не как изолированную область человеческой жизни, а как духовный центр, сердцевину огромного горизонта связей [3, с. 114-125]. Поэтому действие языка как движущей духовной силы культурного развития относится ко всем духовным достижениям и всей духовной деятельности той или иной языковой общности.

Язык – сложнейшее явление. Э. Бенвенист несколько десятков лет тому назад писал: «Свойства языка настолько своеобразны, что можно, по существу, говорить о наличии у языка не одной, а нескольких структур, каждая из которых могла бы послужить основанием для возникновения целостной лингвистики... Но язык – также феномен человеческий... На основе...триады терминов – язык, культура, человеческая личность – могла бы быть создана другая лингвистика...» [1, с. 45-46]. Язык – многомерное явление, возникшее в человеческом обществе: он и система и антисистема, и деятельность и продукт этой деятельности, и дух и материя, и стихийно развивающийся объект и упорядоченное саморегулирующееся явление, он и произволен и произведен и т.д. Характеризуя язык во всей его сложности с противоположных сторон, мы раскрываем самую его сущность.

С.Г.Тер-Минасова сравнивает язык с зеркалом: «в нем действительно отражается окружающий мир. Язык отражает все: географию, климат,

историю, условия жизни» [18, с. 38]. Соотношения между реальным миром и языком можно представить следующим образом:

Однако между миром и языком стоит мыслящий человек, носитель языка. Общественная природа языка проявляется как во внешних условиях его функционирования в данном обществе (би- или полилингвизм, условия обучения языкам, степень развития общества, науки и литературы и т.п.), так и в самой структуре языка, в его синтаксисе, грамматике, лексике, в функциональной стилистике и т.п.

Слово отражает не сам предмет реальности, а то его видение, которое навязано носителю языка имеющимся в его сознании представлением, понятием об этом предмете. Понятие же составляется на уровне обобщения неких основных признаков, образующих это понятие, и поэтому представляет собой абстракцию, отвлечение от конкретных черт. Путь от реального мира к понятию и далее к словесному выражению различен у разных народов, что обусловлено различиями истории, географии, особенностями жизни этих народов и, соответственно, различиями развития их общественного сознания. Поскольку наше сознание обусловлено как коллективно (образом жизни, обычаями, традициями и т.п.), то есть всем тем, что выше определялось словом культура в его широком – этнографическом смысле, так и индивидуально (специфическим восприятием мира, свойственным данному конкретному индивидууму), язык отражает действительность не прямо, а через два зигзага: от реального мира к мышлению и от мышления к языку. С.Т.Тер-Минасова отмечает, что «метафора с зеркалом уже не так точна, как казалось вначале, потому что зеркало оказывается кривым: его перекосят обусловлен культурой говорящего

коллектива, его менталитетом, видением мира, или мировоззрением» [18, с. 40].

З.К.Тарланов рассматривает язык в неотрывной связи с этносом: «Язык в этнических границах его носителей – это не только и не столько средство общения, сколько память и история народа, его культура и опыт познавательной деятельности, его мировоззрение и психология, закрепляющийся из поколения в поколение багаж знаний о природе и космосе, о болезнях и способах их лечения, о воспитании и подготовке к жизни новых поколений людей в интересах сохранения и умножения этноса и его самобытности. Тем самым язык представляет собой форму культуры, воплощающую в себе исторически складывавшийся национальный тип жизни во всем ее разнообразии и диалектической противоречивости» [16, с. 6].

В.Н.Телия также подчеркивает, что язык играет особую роль в трансляции культурно-национального самосознания народа и идентификации его как такового. В языке, по мнению автора, в системе характерных для него образов, эталонов, стереотипов, мифологии, символов и т.п. опредмечено мировоззрение народа и его миропонимание, осознаваемые в контексте культурных традиций. Именно эта соотносительность и обуславливает то, что язык не только отображает действительность в форме ее наивной картины и выражает отношение к ее фрагментам с позиций ценностной картины мира, но и воспроизводит из поколения в поколение культурно-национальные установки и традиции народа – носителя языка [17, с. 231]. В.Н.Телия убеждена, что «навязывание» языком культурно-национального самосознания впитывается «вместе с молоком матери», когда осваивается и потом воспроизводится – сознательно и бессознательно – вся несомая единицами языка информация, в том числе – и культурно значимая, которая может быть представлена в ходе анализа языковых фактов в виде культурно-национальной коннотации, осознаваемой носителями

языка в той или иной глубине ее содержания. В этой связи автор предполагает, что в языке закрепляются и фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т.п., и которые при употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет [17, с. 233].

В толковании понятия «родной язык» существует несколько подходов. По мнению В. Иванишина и Радевич-Винницкого, родной язык – это «язык нации, язык предков, который связывает человека с его народом, с предыдущими поколениями, их духовным миром» [23, с. 121]. А.М.Шахнарович видит в родном языке первый язык, который осваивает ребенок – материнский язык (ср. нем. «die Muttersprache»), который ребенок усвоил в процессе биологического отчуждения от матери и перехода к социальному общению с ней (и с другими окружающими его людьми) [22, с. 17]. Иногда под термином «родной язык» понимают язык, которым человек «владеет с максимальной глубиной и полнотой, на котором легче, быстрее и проще ему мыслится, который является для него наиболее привычной и удобной формой выражения мысли и языкового общения» [8, с. 9]. Подобный язык обозначают еще термином «функционально первый язык».

Если материнский язык одновременно является и языком родного этноса и функционально первым языком, то проблема автоматически снимается, если – нет, то понятие «родной язык» приобретает особое социальное и научное значение.

Наиболее распространенным в лингвистике является рассмотрение родного языка как языка матери. Известно, что как предпосылка идентификации личности родной (материнский) язык в виде определенных ритмов и речевых интонаций проявляется уже в утробе матери – под влиянием ее речи, а позже – баюканья, колыбельных напевов, хоть и у

ребенка, как показывает практика научных исследований, нет генетической предопределенности к конкретному языку. Даже в случаях одновременного приобретения двух родных языков с младенчества как первоначальных, исходных в процессе становления умения мыслить (чаще методом «один человек – один язык»), по А.М.Шахнаровичу, родным следует считать язык матери [22]. В норме, по мнению В.Г.Костомарова, у человека не бывает двух материнских языков, подобно тому, как не бывает двух родных матерей. Вполне возможно, что «выученный язык... может стать в жизни человека важнее родного, который, однако, и при забвении остается матерью, пусть и менее любимой, чем мачеха» [9, с. 11].

Таким образом, история европейского языкознания представляет собой историю рефлексии относительно объекта «язык» и концептуализацию «продуктов» этой рефлексии в соответствующих понятиях.

Древнегреческое философское мышление осуществляло рефлексии на уровне чистого мышления, поскольку задавалось вопросом об онтологии логоса, понятия, соединявшего в себе мышление и язык.

В Средние века осознается множественность существования языка. Впервые «родной язык» противопоставляется «чужим языкам», но лингвистического осознания этого факта не происходит; множественность языков объясняется множественностью конкретных реализаций некоего единого Человеческого Языка.

После Пор-Рояля лингвистическое мышление становится «научным» в традиции европейского научного мышления. По существу, к исследованию языка применяется естественнонаучная методология, а сам объект «язык» получает ограничивающие определения.

Определение «языка» через один из его аспектов (язык как система, как структура, как тип и характер, как язык индивида, как выразитель культуры народа

и т.д.) закрепляется в лингвистике. Вопрос о сущности языка принимает следующий вид: «Что есть язык, если язык – X?», где X – некоторый аспект языка.

Если попытаться связать появление различных областей лингвистики с концептуализацией понятия «язык», то мы получим следующую картину. Современное языкознание представляет собой совокупность отдельных, вполне самостоятельных лингвистических областей, образованных рефлексивными вопросами. Концептуализация понятия «язык» в рамках этих «лингвистик» осуществляется по-разному. Практически любое определение слова «язык», соотнесение понятия «язык» с другими

феноменами (мышление, культура, индивид, общество, этнос, ребенок и т.д.) способно задать новую область лингвистических исследований. Заметим, что понятие X может быть связано с «языком» самыми разными отношениями, например, метафорически (вспомним «зеркало», «орудие»).

Указанной закономерности подчиняется и возникновение лингвокультурологии как отдельной лингвистической дисциплины, так и обсуждение понятия «родной язык» в нескольких модусах (родной язык – язык нации, язык предков; родной язык – материнский язык, родной язык как противопоставление иностранному).

Литература:

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 488 с.
2. Бижева З.Х. Культурные концепты в адыгской языковой картине мира. Дисс. ... доктора филол. наук. – Нальчик, 1999. – 302 с.
3. Вайсгербер Л. Язык и философия // Вопросы языкознания. – 1993. – № 2. – С. 114-125.
4. Вейсман А.Д. Греческо-русский словарь. – М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шигалина, 2011. – 1371 с.
5. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
6. Григорий Нисский. Опровержение Евномия. – М.: Глагол, 2003.
7. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. – М.: Прогресс, 2000. – 397 с.
8. Ибрагимов Г.Х., Зачесов К.Я. О понятии «родной язык» // РЯНШ. – М., 1990. – № 8. – С. 8-12.
9. Костомаров В.Г. Еще раз о понятии «родной язык» // Русский язык в СССР. – М., 1991. – № 1. – С. 9-15.
10. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
11. Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическим и социальными условиями от античности до наших дней. – М.: Академический проект, 2009. – 1008 с.
12. Снитко Т.Н. Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах. – Пятигорск: ПГЛУ, 1999. – 156 с.
13. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – М.: Юрайт, 2020. – 303 с.
14. Степанов Ю.С. Изменчивый «образ языка» в науке XX века // Язык и наука конца 20 века. – М., 1995. – С. 7-34.
15. Тараканова Н.И. Редукционизм в лингвистическом мышлении. Дисс. ... канд. философ. наук. – Тольятти, 1997. – 201 с.
16. Тарланов З.К. Язык. Этнос. Время. Очерки по русскому и общему языкознанию. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского государственного университета, 1993. – 222 с.
17. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологические аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

18. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000. – 264 с.
19. Философский энциклопедический словарь. – М: Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.
20. Фрумкина Р.М. Куда ж нам плыть? // Московский лингвистический альманах. – 1996. – Выпуск 1. – С. 67-82.
21. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
22. Шахнарович А.М. Родной язык: онтогенетический подход // Русский язык в СССР. – М., 1991. – № 7. – С. 16–18.
23. Іванишин В., Радевич-Винницький Я. Мова і нація. – Дрогобич: Видавнича фірма «Відродження», 1994. – 218 с.

Popov D. The concepts of “language”/“native language” in the European linguistic tradition. The article deals with the conceptualization of the concepts of “language” / “native language” in the tradition of European linguistics. The first attempts to understand the phenomenon of language were made in ancient philosophy, which is the source from which the science of language itself later separated.

Попов Д. “Тил”/ “она тили” тушунчалари Европанинг лингвистик анъанасида. Мақолада Европа тилинослиги анъанасида “тил”/“она тили” тушунчаларининг концептуал асослари ҳақида сўз юритилади. Тил ҳодисасини тушунишга дастлабки уринишлар антик фалсафада амалга оширилган бўлиб, бу тил фанининг ўзи кейинчалик ажралиб чиққан манбадир.